

ОТЗЫВ

проф. д.ф.н. Дечки Дечевой Чавдаровой (Шуменский университет „Епископ Константин Преславский“)

на материалы, представленные соискателем ученого звания „профессор“
в Пловдивском университете „Паисий Хилендарский“

по: области высшего образования 2. Гуманитарные науки
профессиональное направление 2.1. Филология (Русская литература)

В конкурсе для соискания ученого звания „профессор“, объявленный в „Държавен вестник“, № 96 от 17.11.2023 г. и на интернет-странице Пловдивского университета „Паисий Хилендарский“ для Кафедры русской филологии при Филологическом факультете, участвует как единственный кандидат доц. д.ф.н. Николай Михайлов Нейчев, преподаватель ПУ „Паисий Хилендарский“.

1. Общее представление процедуры и кандидата

Николай Михайлов Нейчев работает как доцент, преподаватель русской литературы, в Пловдивском университете „Паисий Хилендарски с 2003 г. до сегодняшнего дня. В 2023 г. он получил ученую степень „доктор филологических наук“, защитив ценный научный труд об интерпретации времени в творчестве Достоевского.

Предоставленный Николаем Нейчевым комплект материалов в электронном виде соответствует Уставу развития академического состава ПУ, и включает следующие документы: Автобиография, Хабилизационный труд на тему „Квантовая герменевтика и экзегетика“, Учебное пособие „Русская драматургия XIX века“, Учебник „Русская классическая литература. Часть I. Русский роман XIX века“, пятнадцать статей, список научных трудов, список цитирований и оценка научного вклада.

2. Общая характеристика деятельности соискателя

Н. Нейчев утвердил себя как авторитетный преподаватель, умеющий привлекать внимание студентов своими знаниями и риторическим мастерством, а его интердисциплинарный подход дает ему возможность охватывать для своих спецкурсов студентов разных В помощь студентам учебники и учебные пособия, которых Н. Нейчев является автором или соавтором. В настоящее время Н. Нейчев руководит двумя аспирантами (докторантами).

Хабилизационный труд Н. Нейчева бесспорно является новаторским, поскольку развивает (и представляет в Болгарии) одно из современных направлений в гуманитаристике – квантовую герменевтику и экзегетику, – демонстрирующее связь между художественными и научными идеями. Как уже приходилось говорить по другому поводу, читатель трудов Н. Нейчева уважен эрудицией автора в таких сферах как теория литературы, история России и русской литературы, квантовая физика, теология, философия. Замечу, что у нас приложение идей квантовой физики демонстрирует серьезный труд Р. Коларова „Повторение и сотворение. Поэтика автотекстуальности“, который исследует разные модели автотекстуальности, то есть, он ориентирован к строению художественного произведения, в то время как Н. Нейчев обращается к его интерпретации. Таким образом инструментарий квантовой физики использован для выяснения проблемы соотношения между герменевтикой и экзегетикой, которую ставят и решают известные философы герменевты. Учитывая западные (и два болгарских исследования) по квантовой герменевтике, автор подчеркивает, что они ориентированы к поэтике, а не к смыслу произведения, или что некоторые из них не показывают приложения теории к художественному тексту. В труде Н. Нейчева квантовая герменевтика соотносена и с интертекстуальностью: он утверждает идею, что „литературные произведения отражают целостный текст Бытия“. Представляя определенные принципы квантовой физики, Н. Нейчев предлагает свою точку зрения на проблему возможности разных интерпретаций и на соотношение между доминантной и дополняющими интерпретаци-

ями литературного произведения, защищая „закономерность“ привнесения „внешних по отношению текста мыслей (поскольку он их провоцировал)“ и отрицая идею „сверхинтерпретации“ (проблема, которая широко дискутируется в литературоведении, но здесь не место для подобной дискуссии).

Возможности квантовой герменевтики Н. Нейчев демонстрирует на основе своего прочтения нескольких произведений русской литературы XIX века: „Вий“, „Нос“ и „Шинель“ Гоголя и „Двойник“ Достоевского, прослеживая развитие соотношения между реалистической мотивировкой фантастического события и утверждением вторжения сверхъестественного в изображенную действительность. После Б. Успенского (и цитированного в тексте М. Вайскопфа) автор раскрывает символику календарного времени в повести „Нос“, значимость даты 25-ое марта, когда исчезает нос героя (Успенский обращает внимание и на дату возвращения носа 7-ое апреля, то есть, Благовещение по старому стилю). В то время как Б. Успенский трактует даты и время между ними в ракурсе фольклорных представлений о „нечистых днях“ как знак перевернутого мира („мир наизнанку“), Н. Нейчев осмысливает дату 25-ого марта как знак осуществления чуда. Явно в данном случае можем говорить не о взаимодополняющихся интерпретациях, а об их конфликте.

Очень широко и глубоко представлены разные интерпретации гоголевской „Шинели“ – произведения, к которому Н. Нейчев имеет особое пристрастие. Вписывая повесть Гоголя в широкий историко-культурный контекст, текст о „Шинели“ знакомит читателя не только с русской бюрократической системой, но и с византийскими источниками образов Императора и переписчика. Эти фрагменты являются образцом жанра комментария литературного произведения (а Приложение – „Похвальное слово переписчикам“ – можно опубликовать как отдельный текст/книгу). Обозревая разные интерпретации (этическую, формалистическую, социологическую, психоаналитическую, историко-символьную, религиозную), автор утверждает как доминантную (и в наибольшей степени приближающуюся к смыслу произведения) религиозную, осуществляя собственное прочтение таких деталей как вещь, чин, имя персонажа, переписывание/буква/слово. Принимаю спор с Н. Георгиевым по поводу отказа от интерпретации, но для меня остается открытым вопрос о несвязностях в тексте (например дата рождения Акакия, не связанная с чествованием святого с таким именем и др.).

Интерпретация фантастического в „Двойнике“ Достоевского (с экскурсами к большим романам писателя) рассматривает в новом ракурсе мотивировку сверхъестественного болезнью, как непротиворечащей вере в „соучастие другого, потустороннего бытия в истории земной событийности“. Этот вывод подтверждает специфическое восприятие Достоевским идеи „Нового Иерусалима“ (воскресение на земле).

Н. Нейчев предоставляет для процедуры и **учебник по истории русского романа XIX века**. Это не учебник традиционного типа, в котором прослеживаются все явления этого жанра и комментируются их установившиеся оценки. Н. Нейчев предлагает собственную концепцию русского романа на основе трансформации жанра, поэтики и системы персонажей, осмысливая их как воплощение идеи о русской специфике (конфликт Россия – Запад, оппозиция факт – истина, женский образ России, мессианизм, эсхатологическая идея). У меня возникает вопрос об обоснованности выбора некоторых из представленных романов. Если идет речь об „Евгении Онегине“, бесспорно, в этом произведении присутствует сюжет о приехавшем из Петербурга (то есть, с Запада) героя и провинциальной девушке, „русской душой“ (сюжет, который А. Макушинский интерпретирует как „основной миф“ русской литературы, воплощающий „внутреннюю колонизацию“). Интерпретация Н. Нейчева созвучна с этой концепцией, но она ближе к идее Достоевского о ценности типа Татьяны в контексте антизападнического пафоса. Я считаю, что Пушкин (несмотря на его имперские идеи), не является носителем антизападнической позиции, что как реалии западной бытовой культуры (костюм, кухня, этикет), так и „високая“ культура, например библиотеки героев, не получают в романе отрицательного знака (книги-„друзья“ в кабинете Онегина, хотя их цен-

ность проблематизирована романтическим скепсисом, Ленский с „душою геттингенской“ и „поклонник Канта“ и др.). Акцент на связь Онегин – Татьяна противоречит разграничению сюжет – фабула у формалистов, оставляя внефабульные элементы вне объекта исследования. В духе тезиса о возможности разных интерпретаций я бы сказала, что для меня роман Пушкина интереснее своей интертекстуальностью (игрой с чужими текстами), то есть, феноменом, названным О. Проскуриным „подвижным палимпсестом“, а также своей открытостью (по У. Эко), несовпадением изображенного мира с определенной литературной моделью.

Роман Лермонтова „Герой нашего времени“ действительно обладает специфической структурой, но он также связан с западноевропейской культурной традицией – с идеей либертинства, с Гете, с романтизмом (образом „сына века“ Альфреда де Мюссе, Байроном), с романтической иронией. Либертинство на самом деле отводит к Достоевскому с его темой маркиза де Сада, но у Лермонтова это явление интерпретировано в конвенциях романтизма (идеи о разрушительной силе романтической иронии), а не в духе религиозной идеи Достоевского.

Добавлю, что идеи, интересующие Н. Нейчева, можно открыть в большей степени в романах И. Гончарова, чем в романах Пушкина и Лермонтова, но я учитываю то, что выбор материала может быть мотивирован и учебной программой, включающей основные канонические произведения русской литературы.

Роман Гоголя „Мертвые души“ вписывается в конструированную автором модель русского романа, имея ввиду славянофильские идеи 40-ых годов XIX века и связь Гоголя со славянофилами. Анализ романа прослеживает при помощи проникания в символику деталей (имен, вещей, интерьера) и собственной интерпретацией этой символики усиливающееся в ходе повествования ощущение умертвления человека, как и те черты горюев, которые „обещают“ их духовное перерождение.

Новое прочтение истории русского романа проявляется ярче всего при сопоставлении романов „Братья Карамазовы“ и „Война и мир“ как на уровне поэтики, така и на уровне идей: близость к идее Н. Федорова о „преодолении смерти“, отрицание светского искусства, антиэстетизм, антисциентизм, связь Наполеон – Великий инквизитор, платонические идеи (в связи с которыми развивается прочтение символики сферы в романе Толстого благодаря глубокому изучению „Диалогов“ Платона и улавливается различие между концепцией Толстого и концепцией Достоевского, входящего в спор с Платоном). И в данном случае автор демонстрирует свое ассоциативное мышление и чутье к деталям: например присутствие собачек по имени „Жучка“ в двух романах, фамилия „Кутузов“ героя Достоевского Григория как знак снижения образа исторической личности из эпопеи Толстого (хотя этимология имени Григорий – „бодрствующий“ – может нейтрализовать снижение).

Учебное пособие о русской драматургии дает представление о сюжетах драм Пушкина „Борис Годунов“ и „маленькие трагедии“, драмы Гоголя „Ревизор“ и драмы Чехова „Вишневый сад“ (включая в помощь студентам и фрагменты самих текстов), а также предлагает собственную интерпретацию этих драм с точки зрения эсхатологической идеи, русской идеи о философии истории, оппозиции Россия – Запад. Н. Нейчев демонстрирует и здесь свои знания в области философии, а также способность дешифровать символику деталей и открывать межтекстовые связи (например между „Борисом Годуновым“ и „Ревизором“, между Пушкиным и Толстым в трактовке философии истории).

Интерпретация „Бориса Годунова“ с точки зрения философии истории очень глубока и убедительна. По поводу выбора материала у меня возникает вопрос в связи с подчинением пушкинских „маленьких трагедий“ религиозной, антизападнической идее (Запад после схизмы), имея ввиду, что они вдохновлены западноевропейской культурой и диалогизируют с ней, интерпретируя „странствующих“ литературных персонажей, тем или исторических личностей.

В анализе „Ревизора“ очень пронизательно раскрыта связь между характером Хлестакова (отсутствием собственной воли) и условиями, обуславливающими самозванство. Можно сказать, что Н. Нейчев вносит свой вклад в осмысление русского концепта „самозванство“. Замечу только по поводу выведения фамилии „Хлестаков“ от слова „хлыст“ и оттуда – соотношения героя с сектой хлыстовцев, что их название объясняется или характерным для членов секты самобичеванием, или дешифрируется как „христововеры“, – значения, которые трудно связать с образом Хлестакова. Мне кажется, что в семантической структуре произведения „работают“ скорее такие значения глагола „хлестать“ как ‘пустословие’, ‘хвастовство’, ‘ложь’. Что касается сопоставления „немой сцены“ с иконой распятого Христа, скажу, что мне ближе трактовка Мейерхольда, который заменяет в этой сцене актеров куклами. Оцениваю однако как убедительную и созвучную с новыми прочтениями „Ревизора“ трактовку драмы в мистическом (а не только в социальном) плане: прозрение идеи „Страшного суда“.

Глубок и анализ драмы Чехова „Вишневый сад“ раскрытием библейской символики сада как Эдема, а также извлечением эсхатологической идеи из таких сигналов как топор, лопнувшая струна, чапля, конь и поезд (очень ценно прослеживание символики поезда как устойчивого знака „железного века“ от Достоевского и Толстого до Чехова, но открытие демонического у Пишчика на основе сравнения героя с конем кажется мне необоснованным). Оригинально сопоставление „лопнувшей струны“ (интерпретированной некоторыми литературоведами как знак идеи „суета сует“) с „цепью золотой“ в „Руслане и Людмиле“, но думается, что эти две детали имеют разную семантику и разный генезис. Зато закономерна целостная интерпретация драмы как воплощения идеи кризиса не только дворянской культуры, но и „религиозной идеи в ее мессианистическом аспекте“. Что касается оппозиции Россия – Запад, выбор именно этой драмы неслучаен – другие драмы писателя не поддались бы такой трактовке.

Я не буду комментировать статей, предоставленных Н. Нейчевым для конкурса, поскольку они содержат идеи и наблюдения, которые входят в большие труды кандидата. Подчеркну только географию публикаций, которая говорит об их широкой научной аудитории: Болгария, Россия, Китай, Канада, Чехия.

Значимое место Н. Нейчева не только в болгарской, но и в чужой русистике, показывают и цитирования его трудов как в Болгарии, так и за границей.

3. Критические замечания и рекомендации

В ходе своего комментария я поставила некоторые вопросы, касающиеся конкретных деталей и толкований. Здесь добавлю, что меня смущает тезис об „уникальности“ русской литературы/культуры в учебнике о русском романе, которая открывается например в символике разных деталей как „гора“, „дерево“, „лесница“, „одежда“ и др. (тем более, что идея об уникальности русской культуры используется в настоящее время и для пропагандных целей).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После ознакомления с предоставленными для участия в конкурсе материалами и научных трудов с полным убеждением даю положительную оценку целостной педагогической и научной деятельности кандидата, его вклада в литературоведческую русистику, и рекомендую Научному жури внести в Совет Филологического факультета доклад-предложение о присуждении доц.к.ф.н. Николаю Нейчеву академического звания „профессор“ Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1. Филология (Русская литература).

14.03.2024 г.

Изготвил становището: .....
(подпис)

.....

(ак. дл., н. ст., име, фамилия)